

Тайная полиція на Вѣнскомъ конгрессѣ ¹⁾.

А. Фурнье, работая надъ исторіей Вѣнскаго конгресса въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Вѣнѣ, нашелъ среди полицейскихъ дѣлъ нѣсколько связокъ съ документами, относящимися ко времени конгресса, которые, въ виду представляемаго ими значительнаго историческаго интереса, изданы имъ отдѣльной книгой.

Въ упомянутыхъ связкахъ оказались рапорты и доклады, которые представлялись полицеймейстеромъ города Вѣны австрійскому императору во время конгресса ежедневно съ начала сентября 1814 г. по 14 іюня 1815 г., а равно секретныя донесенія, поступавшія въ полицію отъ ея тайныхъ агентовъ, въ которыхъ они сообщали подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ выдающихся иностранцахъ, проживавшихъ въ то время въ Вѣнѣ, излагали бесѣды, которыя вели иностранные дипломаты, сообщали свѣдѣнія о томъ, съ кѣмъ они были знакомы, гдѣ и когда бывали, передавали ихъ отзывы и взгляды, которые они высказывали въ кругу другихъ иностранцевъ и въ вѣнскихъ салонахъ, гдѣ создавалось общественное мнѣніе. Къ этимъ секретнымъ донесеніямъ нерѣдко прилагались копии съ перлюстрированной корреспонденціи и вообще копии съ писемъ, которыя тѣмъ или инымъ путемъ попадали въ руки вѣнскихъ властей.

Не придавая историческому матеріалу, заключающемуся въ вышеупомянутыхъ документахъ первостепеннаго значенія, А. Фурнье тѣмъ не менѣе замѣчаетъ, что такъ какъ до сихъ поръ обнародовано весьма мало воспоминаній о конгрессѣ, ко-

¹⁾ Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress (Eine Auswahl aus den Papieren von August Fournier. Wien. 1913.

торныя могли бы пролить болѣе яркій свѣтъ на отдѣльные его эпизоды, то донесенія агентовъ полиціи и иллюстрирующія ихъ письма могутъ до извѣстной степени выполнить этотъ пробѣлъ: при этомъ безъ сомнѣнія имѣетъ значеніе то обстоятельство, что какъ авторы писемъ, такъ и ихъ адресаты извѣстны.

Насъ интересуесть, главнымъ образомъ, то, что говорилось и писалось во время конгресса о русскомъ императорѣ, о его свитѣ и о представителяхъ русской дипломатіи вообще. Такъ какъ Александръ I былъ центральной фигурой конгресса и отъ него ждали рѣшеній, въ которыхъ была заинтересована вся Европа, то его имя, само собою разумѣется, встрѣчается чуть не въ каждомъ документѣ, и они даютъ обильный матеріалъ для сужденія о его личности и въ особенности о томъ впечатлѣніи, которое онъ и его русская свита произвели на самые разнообразныя круги Вѣнскаго общества.

Очень интересно также все то, что авторъ говоритъ, въ предисловіи къ своему изданію, объ организаціи тайной полиціи, о настроеніи Вѣны осенью 1814 г., о приготовленіяхъ, которыя дѣлались къ приему коронованныхъ особъ, пріѣздъ которыхъ возбуждалъ всеобщее любопытство и о томъ, сколько хлопотъ и заботъ доставило ихъ пребываніе мѣстнымъ властямъ и въ частности вѣнской полиціи, которой императоромъ Францемъ было повелѣно организовать за пріѣзжими иностранцами бдительный надзоръ.

Сентябрь мѣсяцъ 1814 г., когда въ Вѣну „переселилась вся Европа“, надолго остался памятнымъ для ея жителей; каждый день приносилъ новые разговоры, новыя ожиданія, связанныя съ пріѣздомъ высокопоставленныхъ гостей; любопытство было возбуждено въ высокой степени; пробудился и духъ наживы: люди, которые незадолго передъ тѣмъ жаловались на тѣсноту своего помѣщенія, нашли вдругъ возможность отдать одну или даже двѣ комнаты пріѣзжимъ, за 100 и даже за 200—300 гульденовъ въ мѣсяцъ; газеты пестрѣли публикаціями объ отдачѣ въ наемъ комнатъ и квартиръ, и хотя иностранцы жаловались на дороговизну, но недостатка въ комфортабельныхъ помѣщеніяхъ не было.

Изъ коронованныхъ особъ въ Вѣну пріѣхали: русскій Императоръ Александръ I съ супругой и двумя сестрами: герцогиней Саксенъ-Веймарской Маріей Павловной и вдовствующей герцогиней Ольденбургской Екатериной Павловной, сестра Императрицы Елисаветы Алексѣевны, принцесса Амалія Ба-

денская, король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III съ двумя сыновьями, короли: виртембергскій, датскій, баварскій и бездна нѣмецкихъ принцовъ. Каждый изъ нихъ пріѣхалъ со свитой и привезъ свою канцелярію. Короли французскій, англійскій и папа прислали своихъ пословъ; представителями прочихъ монарховъ и владѣтельныхъ особъ были ихъ обычные послы при Вѣнскомъ дворѣ. Кромѣ этихъ, такъ сказать, официальныхъ лицъ, въ столицу Австріи пріѣхали или прислали своихъ замѣстителей всѣ тѣ, кому надобно было отстоять на конгрессѣ свои интересы или возстановить свои погранные права; слѣдѣлась также стая любопытныхъ, праздношатающихся, ничѣмъ не занятыхъ людей, всевозможныхъ искателей приключеній и веселыхъ красивыхъ женщинъ, „начиная съ высокопоставленныхъ и великосвѣтскихъ интриганокъ и кончая всѣмъ доступныхъ дамъ полусвѣта и дѣвицъ легкаго поведенія“. По улицамъ Вѣны двигалась ежедневно сплошная толпа гуляющихъ.

Чтобы услѣдить за всѣми пріѣхавшими и все наблюдать, согласно желанію императора Франца, австрійской полиціи надобно было проявить необычайную энергію и дѣятельность; эта непосильная задача осложнилась тѣмъ, что въ самомъ началѣ конгресса случилось то, чего никто не ожидалъ: при первой же попыткѣ дѣлежа наслѣдія, оставленнаго Наполеономъ, вмѣсто единодушія, о которомъ мечтали въ Парижѣ, между четырьмя союзными монархами, дѣйствовавшими до тѣхъ поръ единодушно, обнаружались разногласія; они раздѣлились на два враждебныхъ лагеря — Пруссія и Россія съ одной стороны, Австрія и Англія съ другой, и начали втайнѣ враждовать и интриговать другъ противъ друга. При этихъ условіяхъ барону Францу Гагеру (Hager), стоявшему уже нѣсколько лѣтъ во главѣ тайной полиціи, было бы весьма трудно справиться съ возложенной на него императоромъ задачей: „собрать самыя точныя свѣдѣнія о находящихся въ Вѣнѣ монархахъ, ихъ приближенныхъ и совѣтникахъ“, если бы въ Вѣнѣ не существовало раньше правильно организованной тайной полиціи. Она была учреждена въ половинѣ 18 вѣка и состояла съ 1713 г. въ вѣдѣніи особаго министерства (Polizei-Hofstelle). Поставлена она была образцово; перлюстрація писемъ, изъ коихъ полиція черпала главнымъ образомъ свои свѣдѣнія, была возведена въ особое искусство. Вскрыть письмо, получить точный снимокъ съ наложенной на него сюргучной печати и возстановить ее по этому снимку такъ, чтобы на письмѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда произведенной манипуляціи—давно уже не прех-

ставляло ни малѣйшей трудности для чиновниковъ тайнаго кабинета, въ которомъ расшифровывалась корреспонденція, носъ теченіемъ времени и этого оказалось мало. Призракъ революціи, воплощавшійся, то въ образѣ масоновъ и иллюминатовъ, то въ образѣ членовъ тугенбунда, то въ карбонаріяхъ и филантропахъ, не давалъ покоя австрійскому правительству; оно считало своей обязанностью оградить подданныхъ австрійскаго императора отъ вредныхъ революціонныхъ идей и отъ вліянія возникавшихъ повсюду тайныхъ обществъ, „которыя стремились потрясти основы христіанской вѣры и монархическаго строя“, и съ этой цѣлью признало необходимымъ установить сугубо бдительный надзоръ за образомъ мыслей гражданъ. 21 марта 1803 г. престарѣлый графъ Пергенъ, завѣдывавшій тайной полиціей, доложилъ императору, что „для успешнаго выполненія своихъ функцій полиція должна не только имѣть надзоръ за настроеніемъ жителей имперіи, но должна слѣдить и за духомъ, господствующимъ въ Европѣ“, съ этой цѣлью ей необходимо имѣть за границей корреспондентовъ, которые сообщали бы ей точныя свѣдѣнія обо всемъ, ее интересующемъ.

Императоръ Францъ одобрилъ проектъ своего стараго слуги, и такимъ образомъ тайная полиція получила свое дальнѣйшее развитіе; въ ея функціи вошло съ тѣхъ поръ не только слѣдить за всякимъ движеніемъ, происходящимъ въ Австріи, но и за ея предѣлами, вербовать для этого сотрудниковъ за границей, а въ самой Вѣнѣ подыскивать „сотрудниковъ изъ лицъ высшаго круга“, лицъ съ положеніемъ, вращающихся въ аристократическихъ салонахъ которые посѣщаются иностранными дипломатами и въ особенности представителями финансового міра. Эти „сотрудники высшаго круга“ (*Vertraute höherer Standes*), какъ ихъ именовала полиція, сообщали ей все, что они слышали въ салонахъ, все, что имъ удавалось узнать изъ бесѣдъ съ чинами дипломатическаго корпуса и иностранцами вообще.

Эта организація была использована какъ нельзя лучше во время конгресса, когда въ Вѣну съѣхалось множество лицъ первостепенной важности, каждое слово, каждый шагъ которыхъ имѣли вѣсъ и значеніе въ глазахъ австрійскаго правительства. Рѣшено было только расширить и усовершенствовать способъ освѣдомленія, и признано было необходимымъ имѣть въ домахъ иностранныхъ дипломатовъ и лицъ высокопоставленныхъ по одному или по два агента на жалованіи полиціи, которые бы доставляли ей свѣдѣнія обо всѣхъ подробностяхъ домашней жизни этихъ лицъ.

Такихъ низшихъ агентовъ, занимавшихъ мѣста канцелярскихъ служителей при иностранныхъ миссіяхъ, лакеевъ, кучеровъ, истопниковъ, горничныхъ и т. п. въ домахъ иностранцевъ было, во время конгресса, великое множество. Ихъ функціи были весьма разнообразны, такъ какъ отъ вниманія австрійской полиціи не ускользнулъ ни одинъ источникъ, изъ котораго она могла черпать свои свѣдѣнія. Такъ, напр., агентамъ было вмѣнено въ обязанность внимательно слѣдить за письмами и за всякаго рода бумагами, получаемыми тѣмъ лицомъ, къ которому они были приставлены, или выходящими изъ-подъ его пера; они были обязаны осматривать содержимое сорныхъ корзинокъ и препровождать его въ полицію, гдѣ попавшія въ корзину разорванныя письма и черновики, представлявшіе малѣйшій интересъ съ точки зрѣнія политики, артистически склеивались полосками гуммированной бумаги, такъ что первоначальный текстъ письма возстановлялся полностью. Спасенные такимъ путемъ документы назывались „Chiffons“, они тщательно сортировались и затѣмъ просматривались самимъ Гагеромъ; наиболѣе существенное представлялось имъ при докладѣ императору. Бумаги вынимались, впрочемъ, не только изъ сорныхъ корзинокъ; вниманіемъ полиціи пользовались также каминны, изъ которыхъ вытаскивали обугленные клочки бумагъ. Изъ каминна барона Штейна, въ то время не состоявшаго на русской службѣ, но оказывавшаго Россіи разнообразныя услуги, получались иногда довольно интересныя вещи. Однажды тамъ оказалось цѣлое письмо герцога Александра Виртембергскаго; затѣмъ было найдено донесеніе, полученное изъ Саксоніи, затѣмъ текстъ одного договора, заключеннаго въ 1813 г. и т. д. Подобно тому, какъ Штейнъ не оберегалъ отъ любопытныхъ глазъ своего каминна, такъ точно Дальбергъ ¹⁾ не оберегалъ своей сорной корзины; изъ ея содержимаго узнали о намѣреніи французскаго правительства перевезти Наполеона съ о. Эльбы на болѣе отдаленный островъ, въ то время какъ Талейранъ объ этомъ еще никому не говорилъ. Полиція особенно интересовалась принцемъ Евгеніемъ Богарне, пасынкомъ Наполеона, потому что его удостоивалъ своей дружбы и своими посѣщеніями императоръ Александръ. Къ нему былъ приставленъ камердинеръ гасконецъ, доставившій полиціи довольно много разныхъ обрывковъ писемъ и бумагъ. Однажды ему попалось цѣлое письмо сестры Евгенія, бывшей королевы Гортензій, которая сообщала

¹⁾ Баденскій посланникъ въ Парижѣ.

брату о томъ, что бонапартисты избрали его, въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г., главою своей партіи. Письмо было прислано сложенное во много разъ и спрятанное въ щеточку, но догадливый гасконецъ нашелъ его раньше, нежели его господинъ, принцъ Евгений Богарне прочелъ его тогда, когда его содержаніе было давно извѣстно полиціи. Такъ трудно было скрыть отъ нея что-либо.

Несравненно интереснѣе этихъ „Chiffons“ для австрійскаго правительства были подлинныя письма политическихъ дѣятелей, и чиновники тайнаго кабинета день и ночь работали надъ ихъ перлюстраціей, зачастую не успѣвая вновь запечатать вскрытыя письма и во время отправить ихъ по назначенію; это вызвало такъ много нареканій на почту, что императоръ Францъ былъ вынужденъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г., строго настрого подтвердить приказъ не задерживать вскрытыхъ писемъ.

За свою усиленную работу во время конгресса чиновники секретнаго кабинета получили въ награду 2000 дукатовъ.

Подозрительность и любопытство австрійскихъ властей не знали предѣловъ; они не дѣлали разницы между иностранцами и своими, и письма сестры австрійскаго императора къ роднымъ вскрывались такъ же точно, какъ письма австрійской императрицы къ ея подругѣ, какъ переписка бывшей императрицы Маріи Луизы съ гр. Нейпергомъ, какъ письма сестры Александра I, великой княгини Екатерины Павловны къ ея жениху, наслѣдному принцу Виртембергскому. Конечно, это не долго оставалось тайною для заинтересованныхъ лицъ, и они стали осторожнѣе. Лучше всего умѣли ограждать себя въ этомъ отношеніи англичане; они пересылали свою корреспонденцію съ самаго начала съ надежными, испытанной честности курьерами. Черновики донесеній, которыя посылались ими въ Лондонъ, хранились у секретарей, а испорченные листы немедленно сжигались. Вскорѣ прочіе стали посылать свои письма также предпочтительно съ курьерами, либо писать шифромъ или симпатическими чернилами или наконецъ условно искажая имена и самыя слова, какъ это дѣлала въ письмахъ къ своему жениху великая княгиня Екатерина Павловна; она писала по-французски съ сокращеніями непонятными третьему лицу, и находила это „très commode“. Сестра австрійскаго императора, принцесса Тереза, чтобы ввести въ заблужденіе тайную полицію, придумала для всѣхъ условныя названія: своего брата, императора Франца она называла „Венера“, русскаго императора „Піатти“, Саксонію „Некторъ“ и т. п.

Въ числѣ „сотрудниковъ изъ высшаго общества“ былъ одинъ господинъ, услуги котораго особенно цѣнились австрійскимъ правительствомъ; онъ вращался въ лучшемъ обществѣ, къ которому принадлежалъ по рожденію и подписывалъ свои ежедневныя донесенія неизмѣнно **; Гагеръ въ своихъ докладахъ императору упоминаетъ о немъ, какъ о „лицѣ извѣстномъ В. В.“, такъ что его имя не встрѣчается ни въ одномъ документѣ (сотрудникамъ тайной полиціи гарантировалась полная анонимность); о довѣрїи, какимъ онъ пользовался, можно судить по тому, что съ нимъ совѣтовались всякій разъ, когда шла рѣчь о привлеченіи новаго сотрудника, и его аттестація принималась во вниманіе даже тогда, когда дѣло касалось высокопоставленныхъ лицъ; такъ напр. когда возникъ вопросъ о назначеніи вторымъ уполномоченнымъ Австріи на конгрессъ австрійскаго дипломата барона Вессенберга, пользовавшагося репутаціей либерала, то былъ спрошенъ **, и баронъ былъ назначенъ на основаніи даннаго имъ благопріятнаго отзыва.

Этотъ сотрудникъ работалъ не безкорыстно; въ документахъ полиціи сохранились его росписки, подписанныя также **, изъ коихъ видно, что онъ получилъ напр. въ октябрѣ 1814 г. 500 гульденовъ, въ ноябрѣ 1000 гульденовъ и т. д.; было еще нѣсколько другихъ „лицъ изъ общества“, привлеченныхъ въ качествѣ сотрудниковъ и получавшихъ за свои сообщенія определенное, нерѣдко довольно крупное вознагражденіе; изъ нихъ одинъ использовалъ свои знакомства въ кругу прусскихъ и русскихъ дипломатовъ, другой имѣлъ знакомыхъ среди приближенныхъ супруги Наполеона, Маріи Луизы и взялъ на себя обязанность сообщать о томъ, что говорилось и дѣлалось въ Шенбруннѣ, гдѣ жила бывшая императрица; третій слѣдилъ за представителями мелкихъ германскихъ государствъ, четвертый — полякъ, доносилъ о своихъ соотечественникахъ, сѣзжавшихся въ октябрѣ мѣсяцѣ въ большомъ числѣ въ Вѣну; одинъ итальянецъ аккуратно доставлялъ свѣдѣнія о представителяхъ курїи и дипломатахъ романскихъ государствъ и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія стекались къ Гагеру и давали ему обильный матеріалъ для его докладовъ императору Францу.

Но кромѣ этихъ оплачиваемыхъ сотрудниковъ въ эпоху конгресса было значительное число добровольцевъ, людей въ полномъ смыслѣ слова почтенныхъ и благородныхъ, которые дѣлали правительству устно и письменно сообщенія обо всемъ, что они видѣли и слышали въ тѣхъ кругахъ, гдѣ они вращались, и дѣлали это совершенно безкорыстно, исключительно

изъ патриотическихъ побужденій, считая долгомъ доводить до свѣдѣнія властей все, что, по ихъ мнѣнію, могло послужить на пользу отечества. Подписи этихъ лицъ подъ ихъ сообщеніями вырѣзаны изъ документовъ самимъ министромъ полиціи, и ихъ имена не могутъ быть обнаружены. Въ числѣ этихъ добровольцевъ было нѣсколько аристократовъ, назначенныхъ состоять въ свитѣ монарховъ во время ихъ пребыванія въ Вѣнѣ. Изъ этого видно, какъ говоритъ Фурнье, что „тутъ шло дѣло не о простомъ шпіонствѣ“; вовсе нѣтъ. Подобно тому, какъ самъ императоръ и его ближайшіе слуги были убѣждены въ томъ, что, устанавливая эти тайныя наблюденія, они исполняютъ свой долгъ передъ государствомъ, такъ точно многіе „сотрудники высшаго круга“, поскольку это были австрійцы, были убѣждены, что они служатъ своими устными и письменными сообщеніями на пользу общества и отечества. Если принять все это во вниманіе, то „многое, кажущееся намъ въ настоящее время не заслуживающимъ уваженія и даже постыднымъ, представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ“.

Само собою разумѣется, что на службѣ у тайной полиціи состояли также содержатели гостиницъ и частныхъ меблированныхъ помѣщеній,—а ихъ сдавалось во время конгресса безчисленное множество; эти лица оказывали правительству услуги также частью за деньги, частью безвозмездно. Напр. русскій дипломатъ Анстеттъ, состоявшій въ свитѣ императора Александра I, жилъ у редактора „Wiener Zeitung“ Бартча, съ которымъ онъ былъ раньше знакомъ, и послѣдній подробно передавалъ Гагеру свои разговоры съ нимъ.

Нѣкто лейтенантъ Клаусъ, познакомившійся въ Парижѣ съ воспитателемъ царя и его другомъ Лагарпомъ, который пріѣхалъ въ Вѣну въ качествѣ уполномоченнаго отъ швейцарскаго кантона Ваатландъ, предложилъ министру полиціи свои услуги, сообщилъ объ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія и далъ его характеристику какъ человѣка очень умнаго и убѣжденнаго противника всего семейства Бонапарта, паденіе котораго онъ давно считалъ неизбѣжнымъ.

Такимъ образомъ, благодаря этой искусной организаціи и энергичной дѣятельности тайная полиція оказалась на высотѣ поставленной ей задачи. Монархи и дипломаты едва успѣли съѣхаться, какъ Гагеръ могъ доложить императору, что „у него имѣются въ рукахъ нити, при помощи которыхъ онъ надѣется имѣть свѣдѣнія относительно всѣхъ достопримѣча-

тельныхъ лицъ, находящихся въ Вѣнѣ, и можетъ слѣдить за ихъ планами и общественными отношеніями.

Просматривая сохранившіеся въ полицейскомъ архивѣ документы (перлюстрированныя письма, „Chiffons“, доклады Гагера), можно составить себѣ понятіе о томъ, что болѣе всего интересовало тайную полицію, а слѣдовательно и австрійское правительство.

Прежде всего и болѣе всего считали необходимымъ слѣдить за монархами и ихъ приближенными, въ особенности за императоромъ Александромъ, за русскими дипломатами и за уполномоченными Россіи.

Агенты тайной полиціи внимательно слѣдили за Анстеттомъ, за генераломъ Виттъ, за Жомини, который былъ занятъ составленіемъ меморандума, интересовавшаго австрійское правительство; особымъ вниманіемъ удостоивали также Кастлери, Талейрана, Чарторыйскаго, Штейна, Каподистрія; слѣдили за перепиской любимой сестры Александра I, Екатерины Павловны и т. д.

На вопросъ, имѣютъ ли свѣдѣнія, полученныя австрійской тайной полиціей во время конгресса, благодаря установленной ею системѣ шпіонажа, цѣнность для историка и какъ велика эта цѣнность, Фурнье отвѣчаетъ, что „при чтеніи донесеній“, поступившихъ къ Гагеру, получается вначалѣ впечатлѣніе, что они заключаютъ, съ точки зрѣнія исторіи, весьма мало свѣдѣній, заслуживающихъ вниманія, что въ нихъ слишкомъ много пустой болтовни. Но болѣе внимательное изученіе этихъ документовъ показываетъ, что они даютъ богатый матеріалъ для характеристики лицъ, принимавшихъ участіе въ конгрессѣ, и заключаютъ не мало интересныхъ данныхъ, относящихся до самаго хода переговоровъ. Такъ какъ закулисная сторона этихъ переговоровъ была вначалѣ мало доступна „сотрудникамъ“, то, боясь упустить какую-нибудь важную подробность, они перегружали первое время свои донесенія пустыми, мало значащими свѣдѣніями; но ихъ сообщенія стали несравненно содержательнѣе съ тѣхъ поръ, какъ слухи о разномысліи, возникшемъ между державами, стали проникать въ салоны.

Само собою разумѣется, что съѣхавшіеся въ Вѣну иностранные послы и дипломаты со своей стороны также обращались къ услугамъ лицъ, коимъ они довѣряли, что и они имѣли своихъ „сотрудниковъ“. Тайнымъ агентомъ Россіи называли напр. красавицу княгиню Екатерину Багратіонъ, умную и ловкую интриганку, но женщину въ высшей степени легкомысленнаго

поведенія; императоръ Александръ бывалъ у нея по вечерамъ и во время этихъ посѣщеній, затягивавшихся до поздняго часа, выслушивалъ интересовавшія его сообщенія. Княгиню не трудно было привлечь на сторону Россіи, такъ какъ она была въ то время озлоблена противъ Меттерниха; его ухаживаніе было принято ею благосклонно, но онъ измѣнилъ ей, увлекшись другою красавицею, герцогиней Саганъ.

Про русскихъ въ Вѣнѣ говорили, что они „охотно пользовались въ дѣлахъ политики услугами женщинъ сомнительной репутаціи“; въ одномъ изъ полицейскихъ донесеній говорится объ извѣстной вѣнской куртизанкѣ, Вольтерсъ, которая получала отъ ген.-ад. Волконскаго опредѣленное жалованье за свои сообщенія и, чтобы не быть узнавшею, приходила къ нему въ Burg (императорскій дворецъ) переодѣтая въ мужской костюмъ.

Конечно, не однѣ женщины, но и хорошо освѣдомленные въ дѣлахъ мужчины оказывали русской дипломатіи немаловажныя услуги; благодаря этому русскіе получали многія свѣдѣнія гораздо раньше, нежели они дѣлались общимъ достояніемъ. Такъ напр. 8 января 1815 г. представители Англіи (Кастлери), Франціи (Талейранъ) и Австріи (Меттернихъ) заключили въ тайнѣ оборонительный союзъ противъ Россіи, а нѣсколько дней спустя, Александръ I поразилъ великобританскаго посла заявленіемъ, что „это ему извѣстно“.

Что касается собственно чиновъ русской тайной полиціи, прибывшихъ въ Вѣну во главѣ съ генераломъ гр. Виттъ, то объ нихъ говорили въ Вѣнѣ, что „они болѣе занимались интригами и болѣе заботились о своихъ выгодахъ и личныхъ интересахъ, нежели объ интересахъ своего монарха“.

Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ въ Вѣнѣ начался съѣздъ иностранныхъ гостей, придворнымъ вѣдомствомъ была выработана обширная программа празднествъ и зрѣлищъ, которыми предполагалось развлекать пріѣзжихъ. Эта программа была рассчитана всего на нѣсколько недѣль, такъ какъ никто не предполагалъ, что высокіе гости пробудутъ въ Вѣнѣ такъ долго.

Придворные концерты, балы, спектакли, маскарады, охоты, парады, карусели, прогулки и поѣздки за городъ, словомъ, все то, что гофмейстерская часть привыкла предлагать гостямъ императора, было выполнено въ теченіе октября и ноября мѣсяца. Когда выяснилось, что конгрессъ затянется, вѣнское общество рѣшило облегчить задачу придворнаго вѣдомства; Лихтенштейнъ, Фюрстенбергъ, Зичи, Эстергази, Гацфельдъ и другіе представители австрійской аристократіи открыли свои роскош-

ные салоны, а ватѣмъ и иностранные послы и дипломаты стали давать отвѣтные обѣды и балы.

Соотвѣтственно политическому вѣсу и значенію Александра I русскіе дипломаты проявили особенно широкое гостепримство. Въ роскошный дворецъ графа Разумовскаго съѣзжалось все высшее общество Вѣны. Къ несчастію онъ сгорѣлъ со всѣми своими художественными сокровищами въ ночь подъ Новый годъ, и тогда русскому послу Штакельбергу пришлось участвовать свои приемы. Бывали также балы у кн. Репнина, у барона Бюлера, у ст. сов. фонъ-Отта и др. Поляки собирались у гр. Скарбека, у Стадницкаго, Ланцкоронскаго, у княгини Сапѣга и у престарѣлой княгини Любомірской, тетки Чарторыйскаго.

Вѣнское общество проявляло вначалѣ къ иностраннымъ монархамъ необычайный интересъ. Главнымъ образомъ интересовали всѣхъ король прусскій и Императоръ Александръ. Король пользовался даже большей симпатіей, нежели Императоръ, „что видимо было ему пріятно“; его серьезная, мужественная фигура „даже дамамъ понравилась болѣе, нежели наружность царя“, въ этомъ отношеніи Александръ „не вполне оправдалъ ожиданія, но простота и привѣтливость его обращенія всѣхъ прельщали, хотя въ немъ все-таки находили что-то дѣланое“.

Дальнѣйшему впечатлѣнію повредило слишкомъ долгое пребываніе монарховъ въ Вѣнѣ. По прошествіи нѣкотораго времени, когда къ нимъ присмотрѣлись, когда ихъ привыкли видѣть на всѣхъ торжествахъ и гуляніяхъ, къ нимъ охладѣли, ихъ стали критиковать, объ нихъ стали говорить свободно, безъ всякаго стѣсненія, и тѣ два монарха, которыми вначалѣ болѣе него восхищались, болѣе всего потеряли во мнѣніи общества.

О королѣ прусскомъ, о которомъ говорили вначалѣ, что „онъ думаетъ за всѣхъ“, стали отзываться какъ о человѣкѣ, который „ничего не думаетъ“, говорили, что онъ упрямъ, хитеръ и злобенъ, находили его мрачнымъ и тяжелымъ. утверждали, что „публика его не любитъ“, такъ какъ „пруссакъ не можетъ быть другомъ австрійца“, а когда подмѣтили знаки уваженія, какіе онъ оказывалъ Александру I,—онъ не ѣздилъ напр. никогда иначе, какъ слѣва отъ него, отступя на полшага—то его стали высмѣивать, называли его „тѣнью русскаго императора“; когда, въ исходѣ октября разнесся слухъ о несогласіяхъ, возникшихъ между прусскимъ и русскимъ министерствомъ (по вопросу о Саксоніи и Польшѣ), то графиня Рех-

берхъ говорила, что она этому не повѣритъ до тѣхъ поръ, пока король будетъ неизмѣннымъ спутникомъ Александра“ и стояла на своемъ, несмотря на увѣреніе прусскаго генерала Шёллера, что король вовсе не такой поклонникъ Александра, какъ это кажется.

Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ корреспондентовъ Гагера, генераль Шёллеръ (занимавшій постъ прусскаго военнаго агента въ Петербургѣ) слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ отношеніе къ Императору Александру Фридриха Вильгельма и Пруссіи и оцѣнилъ побужденія, руководившія русскимъ Императоромъ въ его отношеніи къ своему союзнику.

„Король хотя не особенно уменъ, но обладаетъ здравымъ смысломъ“, говорилъ генераль, „онъ отнюдь не преклоняется передъ всѣмъ, что дѣлаетъ Императоръ Александръ; недавно онъ даже осуждалъ его образъ дѣйствій; но онъ считаетъ себя связаннымъ съ нимъ долгомъ признательности, онъ убѣжденъ, что онъ ему одному обязанъ положеніемъ, которое онъ занялъ снова среди монарховъ; не давая себѣ отчета въ томъ, что если бы онъ не присоединился къ нему, то театромъ военныхъ дѣйствій въ 1813 году было бы герцогство Варшавское и положеніе Россіи было бы весьма затруднительно, король не упускаетъ случая выказать своему другу свою признательность, а Императоръ какъ нельзя лучше пользуется дружбой, которая съ его стороны далеко не безкорытна“.

„Что касается настроенія пруссаковъ“, продолжалъ генераль, „то они относятся также не сочувственно къ Россіи, какъ и вся остальная Германія; несмотря на всѣ пожалованные намъ Императоромъ знаки отличія, въ Пруссіи обнаруживается даже весьма ясно выраженное и весьма понятное враждебное отношеніе къ нему; русское правительство поступило такъ, какъ могъ бы поступать Наполеонъ; всякому извѣстно, что Пруссія вложила большую часть своихъ капиталовъ въ доставшуюся ей часть Польши, между тѣмъ выгоды, обѣщанныя послѣднимъ союзомъ не осуществились и ни одно изъ вполнѣ справедливыхъ требованій Пруссіи не было уважено“.

„Обратный походъ русскихъ войскъ былъ бѣдствіемъ для Пруссіи, они выжали послѣдній сокъ изъ тѣхъ провинцій, гдѣ они проходили; они предъявляли вездѣ самыя непожѣрныя требованія, держали себя вездѣ высокомерно; они поступали въ Восточной Пруссіи какъ въ странѣ, ими завоеванной, которую они только изъ великодушія не оставляютъ за собою“.

„Что касается Императора Александра, я считаю его опас-

нѣе, чѣмъ думаютъ. Пять лѣтъ тому назадъ, когда всѣ считали его слабымъ, онъ окружилъ себя исключительно людьми, посредственность коихъ общепризнана и которые не стѣсняли его свободы дѣйствій. Его теперешніе планы относительно Польши не вызваны обстоятельствами; эта мысль, которую онъ лелѣетъ давно, это цѣль, къ достиженію которой были направлены послѣдніе два года всѣ его шаги. При заключеніи союза съ Пруссіей говорилось о желаніи возратить прусской монархіи блескъ и могущество, какими она пользовалась при Фридрихѣ II. Во время войны всякое обсужденіе этого вопроса было устранено заявленіемъ, что все будетъ улажено любовно¹⁾. Когда союзныя войска находились въ Парижѣ, русская армія, подъ предлогомъ, что Франціи надобно предоставить пользоваться благами мира и законнаго правительства, выступила форсированнымъ маршемъ изъ этой страны и стала на границѣ Польши, между тѣмъ какъ всѣ прусскія войска остались для оккупации завоеванныхъ земель по ту сторону Рейна, Австрія же была вынуждена занять значительными силами Италію.

„Высказанная Императоромъ рѣшимость возстановить королевство польское не что иное, какъ желаніе создать намъ затрудненіе, чтобы легче получить ту часть, какую онъ хочетъ; онъ слишкомъ хорошо знаетъ, какія послѣдствія это можетъ имѣть для Россіи, и слишкомъ боится этихъ послѣдствій, чтобы думать объ этомъ серьезно“. „Но я убѣжденъ“, закончилъ генералъ, „что если его намѣренія встрѣтятъ энергичный отпоръ, если онъ увидитъ, что имъ намѣрены противиться силою, то онъ постарается предупредить васъ, и онъ къ этому готовъ“.

На вопросъ, какое впечатлѣніе производитъ на императора, бывшаго годъ тому назадъ кумиромъ Европы, то обстоятельство, что его намѣренія вызываютъ всеобщее неудовольствіе и даже противодѣйствіе, Шеллеръ отвѣтилъ: „бѣда въ томъ, что еиміамъ, который ему воскурjali, до такой степени вскружилъ ему голову, что онъ не замѣчаетъ этого недовольства; окружающіе поддерживаютъ въ немъ это заблужденіе—поляки въ надеждѣ, что благодаря ему будетъ возстановлено ихъ королевство, Штейнъ, Лагарцъ и прочіе изъ личныхъ побужденій“.

Сказанное генераломъ Шеллеромъ относительно настроенія Пруссіи подтверждаетъ и другой корреспондентъ²⁾, который пишетъ, что „Пруссія очень недовольна Россіей; она увѣрена въ ея

¹⁾ Рѣчь идетъ о договорѣ, заключенномъ въ Теплицѣ 9 сентября 1813 г.

²⁾ Докладъ 1 октября 1814 г.

честолюбивыхъ видахъ, обвиняетъ ее въ желаніи властвовать надъ всѣми“; „пруссаки говорятъ, что у русскихъ одна цѣль: сохранить главенство, которое они пріобрѣли путемъ столькихъ жертвъ и побѣдъ“; и „высказываютъ опасеніе, что ежели Россіи удастся завладѣть всей Польшей, то она очутится въ самомъ сердцѣ прусскихъ владѣній и ея войска могутъ появиться въ Берлинѣ раньше, чѣмъ Пруссія успѣетъ сосредоточить свои силы“; „князь Гарденбергъ отлично понимаетъ опасность, говорятъ они, но король слишкомъ связалъ себя по отношенію къ Императору Александру; онъ самъ видитъ затруднительность своего положенія“, но „всегда будетъ покорнымъ слугой Александра“. Какіе бы доводы ему ни приводили, выслушавъ ихъ, онъ упрямо повторялъ: „Je ferai comme l'empereur Alexandre“.

Русскіе дипломаты, принимавшіе участіе въ переговорахъ во время конгресса, были большею частью бездарности; такъ аттестуютъ ихъ и „сотрудники“ Гагера, со словъ иностранныхъ дипломатовъ, которые ставили ихъ очень невысоко. „Благодаря Бога, говорили они, это все посредственности; одинъ только Анстеттъ человекъ талантливый и знающій. Слабѣе всѣхъ гр. Нессельроде“. „Даже пруссаки смѣются надъ ничтожествомъ русскаго кабинета въ Вѣнѣ“, писалъ другой агентъ. Съ другой стороны монархи и ихъ свита не могли скрыть своей зависти по поводу почестей, какія оказывались русскому Императору, котораго они называли легкомысленнымъ (Wildfang).

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что объ русскихъ отзывались въ Вѣнѣ далеко не въ ихъ пользу; говорили, что „они держатъ себя удивительно грубо и дерзко, замѣтно отличаясь этимъ отъ прусскихъ и другихъ иностранцевъ“. На это, по словамъ „сотрудниковъ“, жаловались даже чины русскаго посольства.

„Въ отведенномъ для русскихъ помѣщеніи въ королевскомъ дворцѣ они вели себя крайне неприлично; они не только были очень грязны, но у нихъ бывали постоянно особы легкаго поведенія“.

Особенно смущало всѣхъ поведеніе великаго князя Константина Павловича и лицъ его военной свиты. О послѣднихъ говорили, что они были весьма дерзки и грубы (grossiers et insolents), что составляло рѣзкій контрастъ съ вѣжливымъ обхожденіемъ пруссаковъ и прочихъ иностранцевъ. Во многихъ донесеніяхъ рассказываетъ о его, ни съ чѣмъ несообразныхъ мальчишечьихъ выходкахъ. Напр. однажды ночью, спрятавшись во дворѣ Гофбурга, онъ крикнулъ „Wacht heraus!“; караулъ выбѣ-

жалъ, взялъ на караулъ, но не могъ понять, по какому поводу его вызвали, а великій князь „хохоталъ до упада“. Другой разъ на вечерѣ у Штапельберга Константинъ Павловичъ вышутилъ старика гр. Эстергази за его костюмъ и за косу, которую онъ продолжалъ носить, на что Эстергази отвѣтилъ сожалѣніемъ, что онъ такъ дурно воспитанъ для человека его ранга.

Разсказывали, что въ началѣ ноября „великій князь какъ-то вздумалъ кататься верхомъ въ дворцовомъ паркѣ въ Шенбрунѣ, въ очень сырую дождливую погоду и на вѣжливую просьбу садовника и привратниковъ отложить прогулку, чтобы не портить чудныхъ дорожекъ парка отвѣчалъ грубой бранью и продолжалъ кататься“.

Удивлялъ также всѣхъ его образъ жизни; отобѣдавъ въ два часа, онъ ложился спать; въ 5 часовъ дѣлалъ визиты, отъ 7—10 снова спалъ, затѣмъ отправлялся къ графинѣ Саганъ или къ княгинѣ Багратионъ, гдѣ просиживалъ до половины второго; не посѣщалъ музеевъ, не интересовался достопримѣчательностями города, все больше сидѣлъ дома или проводилъ время въ кругу военныхъ, изучалъ австрійскій военный регламентъ и ежедневно вызывалъ къ себѣ въ Вугг простыхъ солдатъ, съ которыми по долгу бесѣдовалъ. Посѣщать иностранныхъ принцовъ или принимать ихъ у себя „было для великаго князя мученьемъ“. „Отправляясь къ кому-нибудь съ визитомъ, онъ справлялся“, дома ли господъ прежде, нежели послать свою карточку. Онъ посѣщалъ охотно только одного принца Евгенія Богарне и принималъ его во всякое время; его приказано было принимать, хотя бы онъ пріѣхалъ въ то время, когда великій князь спалъ. Богарне часами просиживалъ у Константина Павловича, также какъ и великій князь у него, при чемъ онъ не бралъ съ собою дежурныхъ камергеровъ, а ѣздилъ одинъ. По словамъ назначеннаго состоять при великомъ князѣ бар. Вальденъ, „Константинъ Павловичъ очень уважалъ бывшаго вице-короля Италіи и говорилъ, что ему надобно ввѣрить командованіе арміей, что онъ будетъ образцовымъ начальникомъ“. Хотя великій князь, какъ писали корреспонденты изъ Варшавы, „только и дѣлалъ, что обучалъ солдатъ и обсуждалъ вопросъ о будущей конституціи королевства Польскаго, тѣмъ не менѣе въ Вѣнѣ и онъ счелъ долгомъ внести свою лепту въ политику. Во время отсутствія Императора Александра I. совершившаго поѣздку въ Венгрію, великій князь постарался поселить въ пруссакахъ недовѣріе къ ненавистнымъ ему англичанамъ. а съ другой стороны пугалъ ихъ успѣхами, какіе дѣлалъ революціонный духъ въ сѣверной Германіи. „Польскіе гене-

ралы“, говорилъ Константинъ Павловичъ „положить черезъ нѣсколько лѣтъ всему этому конецъ (у mettrons le holà). Эти слова показываютъ, что онъ смотрѣлъ на Польшу какъ на самостоятельную политическую единицу. Несмотря на свою ненависть ко всякимъ политическимъ новшествамъ, Константинъ Павловичъ все-таки принималъ неоднократно Лагарпа и даже обратился къ нему съ просьбою рекомендовать ему гувернера для своего незаконнорожденного сына. О матери этого мальчика въ Вѣнѣ говорили, что „она имѣла на Константина Павловича довольно большое вліяніе и относилась къ нему очень неуважительно“.

„Очень скоро въ Вѣнѣ подмѣтили отсутствіе согласія между Императоромъ Александромъ I и его супругою; объ этомъ открыто говорили въ салонахъ“; Императрицу жалѣли; „всѣ отдають предпочтеніе русской Императрицѣ, такой доброй и привѣтливой по сравненію съ двумя великими княгинями“¹⁾; писалъ одинъ корреспондентъ, „изъ коихъ принцесса Ольденбургская слыветь первой интриганкой и чрезвычайно фальшивой, хотя всѣ признають ея умъ и освѣдомленность въ вопросахъ политики. Она очень желаетъ нравиться и производить впечатлѣніе“.

Несмотря на подобные отзывы, Екатерина Павловна, также какъ и великая княгиня Марія Павловна, пользовалась симпатіями Вѣнскаго общества за ихъ любезное, привѣтливое обхожденіе и доступность. Одно время въ Вѣнѣ усиленно говорили о предполагаемомъ бракѣ Екатерины Павловны съ эрцгерцогомъ Карломъ, и были весьма недовольны, когда изъ перлюстрированныхъ писемъ стало извѣстно, что великая княгиня была уже втайнѣ помолвлена съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ.

О будущемъ супругѣ великой княгини въ Вѣнѣ скоро стало извѣстно, что „онъ подпалъ подъ вліяніе барона Штейна, который черезъ него вліялъ на Екатерину Павловну, а черезъ нее на Императора Александра“. Вѣнская аристократія находила, что онъ уменъ, но „слишкомъ склоненъ къ критикѣ и притомъ къ критикѣ довольно злостной, и характеромъ въ отца“; а король Фридрихъ Виртембергскій ни въ комъ не возбуждалъ симпатіи: объ чемъ рассказывали въ придворныхъ кругахъ всевозможные анекдоты и его осуждали за грубое, невѣжливое обращеніе съ приближенными.

Наслѣдный принцъ Виртембергскій мало появлялся при

¹⁾ Сестры Александра I.

дворѣ и въ великосвѣтскихъ салонахъ, предпочитая совершать прогулки инкогнито; въ театрѣ онъ нерѣдко прѣвзжалъ во фракѣ, чтобы не быть вынужденнымъ сидѣть въ придворной ложѣ. Молва гласила, что онъ не былъ чуждъ увлеченій и въ Вѣнѣ, несмотря на присутствіе своей невѣсты, великой княгини Екатерины Павловны, хотя ради нея онъ развелся со своей супругой, дочерью короля Баварскаго. Говорили также, что онъ „уже много лѣтъ былъ въ связи съ дочерью одного штутгардскаго чиновника, отъ которой онъ имѣлъ дѣтей“.

Жители Вѣны, вначалѣ радостно привѣтствовавшіе конгрессъ и иностранныхъ гостей, подъ конецъ утомились ихъ долгимъ пребываніемъ и нескончаемыми празднествами; въ мартѣ мѣсяцѣ „всѣ уже наскучили другъ другу“, „вся Вѣна радовалась предстоявшему отъѣзду высокихъ гостей“, пребываніе которыхъ всѣмъ стало въ тягость.

Сопоставляя отзывы и впечатлѣнія мѣстныхъ жителей о конгрессѣ, поскольку они запечатлѣлись въ документахъ, прошедшихъ черезъ руки вѣнской тайной полиціи, можно сказать, что всѣ были недовольны медленнымъ ходомъ переговоровъ, и не имѣя возможности объяснить себѣ истинную причину проволочекъ, не зная, что конгрессъ затянулся главнымъ образомъ изъ-за неуступчивости Императора Александра I въ польскомъ вопросѣ, полагали, что работамъ конгресса мѣшали увеселенія, и жестоко осуждали эти нескончаемыя празднества. Общее впечатлѣніе, произведенное на жителей Вѣны какъ русскими, которыхъ аттестовали невѣжами и малообразованными, такъ и пруссаками, которыхъ называли скрягами и „себѣ на умѣ“, было, какъ мы уже говорили, не въ пользу иностранцевъ; всеобщее осужденіе вызвало поведеніе иностранныхъ принцевъ, въ особенности на общественныхъ гуляньяхъ и маскарадахъ, гдѣ они держали себя зачастую не соответвенно своему достоинству. „Въ городѣ не было ни одного притона, гдѣ бы ихъ не видѣли днемъ и ночью въ обществѣ самыхъ простыхъ женщинъ“. Въ этомъ отношеніи, какъ отмѣтилъ Гагеръ въ своемъ докладѣ императору Францу, конгрессъ оказалъ дурное вліяніе на нравственность; въ Вѣнѣ появилось множество куртизанокъ, которыхъ раньше тамъ не было; онѣ заняли большія квартиры, много наживали денегъ и своимъ примѣромъ и легкостью наживы являлись соблазномъ для мѣстныхъ молодыхъ дѣвушекъ.

В. Тимошукъ.